

Марина ПОПОВА

Белая трещина

В полуобморочном состоянии сидела я на строительных лесах, которые возвели для меня рабочие в одном из самых знаменитых казино Лас-Вегаса "Caesars Palace". Внизу сновал народ. Пространство, казалось, было готово взорваться от шума: перезвона монет, трелей игровых автоматов, напоминающих звуки полицейских сирен, гула голосов, джазовых композиций из соседнего бара...

Я чувствовала, что сердце мое тоже вот-вот взорвется! Поверьте, у меня были все основания для волнений, но это не имело никакого отношения к Ираку, тем более что война еще не была объявлена.

В 2003 году я много времени провела в Лас-Вегасе, осуществляя авторский надзор над установкой росписей для театра каннадской дивы — певицы Селин Дион. Театр а-ля римский Колизей был специально построен для нее и стал частью интерьера "Caesars Palace".

Вегас — это огромный "Disney Land" для взрослых: разгул воображения, безукоризненный сервис, адреналиновый шок за игровыми столами, фантастические бесплатные шоу вдоль всего Стрипа (длинная авеню с главными казино города), плотские утехы, девочки любых класса и масти (от "Сянь-Линь" до наших "Наташек"), недорогая вкусная еда — только играйте! Для интеллектуалов — культурных ребят — есть даже свой музей Гугенхайм с первоклассными выставками вплоть до привезенной из Эрмитажа коллекции.

Я практически не играю. Чувствую, что это не мое и мне свои деньги нужно зарабатывать, а не выигрывать. К тому же я — человек азартный и, не ровен час, могу подсесть! Однажды во второразрядном казино мне показали единственный в Лас-Вегасе игровой автомат в один цент. Я с удовольствием просадила там двадцать долларов. Это занятие отняло у меня часа три. Выигрывая, я наслаждалась звуковой какофонией — водопадом сыплющихся монет, словно град по мостовой, словно цокот копыт. А как приятно выгребать из пасти автомата эти горы денег и пересыпать их в пластиковую банку! Напоминает детство, возно в песочнице, когда песок течет между пальцев, а ты приговариваешь: "Столько ем, столько пью, столько Сталину даю".

Кого только не встретишь на Стрипе! Вот впереди прогуливается пара: красавец и красавица. Она — сильно загорелая подтянутая блондинка в экстрамалльном мини, с браслеткой от Гуччи на тонкой щиколотке. Он — под стать. Минуточку... Что-то заставляет меня обогнать их и обернуться. Ничего себе! Да ей лет восемьдесят! А парень — обыкновенный жиголо!

А вот подслушанный разговор на "мосту Вздохов" в казино "Венеция". Прибил меня к мостику звук русской речи. Судя по внешности и акценту, парень вырос в русско-еврейской семье третьей волны иммиграции. Девочка — чудо природы, милейшее существо из российской глубинки периода перестройки.

Как описать мне эту застенчивую красоту, подобную скромному обаянию средней полусы? Два русых хвостика над розовыми ракушками ушей, ясные голубые глаза.

Парень: — И как тебя родители сюда отпустили? Юная дева:

— На папку наехали. Он бизнес отдал. А сюда (в Америку) мы и раньше приезжали.

Парень: — Ты хотя бы школу окончила?

Дева: — Конечно. Я и в академии на дизайнера училась.

И так далее. Короче, воркуют голубки. Я "губу раскатала", наслаждаясь зрелищем чистой любви. Тут до меня доходит, что это проститутка с клиентом. Вероятно, он ее "снял" раньше, а теперь, согретый теплом русской души, слегка занимается ее воспитанием, а девушка "вешает ему лапшу на уши", рассказывая о папке-бизнесмене.

А вот в плавно текущем потоке Стрипа образовался водоворот — "...смешались в кучу кони, люди...". Автомобильная давка на дороге, вспышки камер папарацци, толпа зевак. Это семья Хилтон (отельные магнаты) — мама с двумя дочками — вышла на прогулку. У Пэрис магнетический взгляд, и я немедленно становлюсь ее фаном.

Кто из вас видел поразительное шоу "O" в "Cirque du Soleil"? Я видела, и это действительно о-о-о-о с тремя восклицательными знаками! Для этого представления специально построен театр — чудо техники и воображения. Действие происходит в воде, где волшебным образом меняется глубина. Вот клоун шаркает по щиколотку в воде, а в следующий момент с потолка вниз головой летит странное экзотическое создание — не то стрекоза, не то космическая птица — и... уходит под воду прямо у его ног. Ох, утомилась я описывать все эти чудеса в решетке!

Теперь, отдышавшись, я предлагаю последовать за мной. Я чуть-чуть приоткрою вам закулисную жизнь Лас-Вегаса, где самоотверженно трудимся мы — простые ребята: архитекторы, строители, художники, дизайнеры, координаторы, рабочие сцены и другой люд, который приезжает сюда работать. Здесь жесткая внутренняя конструкция, которая поддерживается практически военной дисциплиной. Механизм работает как часы — каждый винтик знает свою гаечку.

Монтаж моей росписи назначен на шесть утра. Все на Стрипе открыто круглосуточно, но все же народу в такое время немного: только несколько сумасшедших стариков забавляются с одноруким бандитом, да группа "Элвисов Пресли" собралась на пятиминутку за стойкой соседнего бара.

Ничто не помешает моему наслаждению зрелищем установки росписей в специально подготовленные для них ниши! Это как дочь замуж выдавать. Холсты долго жили в моей мастерской в Монреале. Для росписи подготавливался специальный грунт, переносился эскиз, смешивались краски, золотилась поверхность — возникал мир. На первый взгляд кажется, что перед вами мозаика, но при ближайшем рассмотрении становится понятно, что это живописная композиция, выполненная в стиле "обманки" — trompe l'oeil, что в переводе с французского означает "обман глаза".

Ровно в шесть утра появились два янки-атлета в белых комбинезонах, которые везли тачку с рулонами моих холстов. В секунду их раскатали, и... на одном из них я увидела огромную снизу вверх бегущую трещину: через фигуры и лица, через моря и горы. Я похолодела, но мужики меня успокоили:

— Не дрейфь, замажешь!

К середине дня все было закончено, и я взобралась на оставленные для меня леса. Трещина была устрашающая! Я потянула за край...

— Боги-черти-дьяволы! Кто-нибудь — помогите! Сейчас меня хватит кондрашка, и нарушится идеальная работа этого совершенного механизма под кодовым названием "Лас-Вегас"!

Когда я потянула за край трещины, весь слой краски легко стал отделяться от холста, как переводная картинка, обнажая девственно белый холст. Так, одним движением, как сдирают подсохшую ранку, можно было содрать до пустоты всю работу размером пять на три метра. Грунт, которым я закатила холст, не сработал, а от влаги при перелете краска от него отслоилась. Это был особый огнеупорный грунт, предписанный к употреблению пожарными правилами штата Невада.

Я сидела, скорчившись на лесах, мокрая, как мышь, перед тем как ее сожрет кот. Я не плакала — в шоке я обычно застываю. Зато сердце было готово взорваться...

Не знаю, сколько времени я так просидела, но всему, как известно, приходит конец — и позору тоже. Замешав какую-то цветную грязь, замазала я белую трещину, чтобы не так бросалась в глаза, и, решив: "Утро вечера мудреней", — пошла прилечь в свой роскошный номер.

По телевизору показывали политические дебаты: "Брать зонтик, не брать зонтик?" —

то есть вводить войска в Ирак или не вводить. По всей видимости, я все-таки отключилась на несколько минут. Когда я очнулась, уже показывали документальные кадры из жизни Саддама Хусейна.

Я снова спустилась в казино и залезла на леса. К моей неопишуемой радости, холст начал просыхать, твердеть и схватываться. Боясь посперить своему счастью, несколько раз в течение ночи я наведывалась к своему детищу.

Поблизости крутилось колесо фортуны, и молодой человек в костюме Цезаря зазывал посетителей крутануть его на счастье.

Утром я все прекрасно отреставрировала и пошла в ресторан с телевизионщиками, которые приехали из Канады готовить репортаж об открытии театра своей знаменитой землячки Селин Дион.

Не знаю, что вам известно о ней, но она — классная! Родилась она в квебекской глухомани, в строго католической многодетной семье (16 детей). Девочка с кривыми зубами, изъяснявшаяся исключительно на жуаль, не знала ни одного английского слова, но завоевала мир мощным голосом. Она отодвинула на второй план саму Барбару Стрейзанд, но сделала это элегантно, так что Барбара сама назначила ее своей преемницей.

Короче, трепались мы с телевизионщиками, когда зазвонил мой мобильник. Секретарша вице-президента "Caesars Palace" просила меня быть через полчаса у своих картин, так как "мистер Твистер" хочет со мной побеседовать.

Какое все-таки неприятное чувство, когда ноги становятся ватными, руки мокрыми, а щеки пунцовыми!

Через тридцать минут я, как барашек на заклании, стояла у своих работ. Ко мне подошел элегантный пожилой господин.

"Итальянская мафия", — с тоской подумала я и предстала бетономешалку, из которой, как тесто из кастрюли, ползет бетон и куда по традиции закатывают провинившихся.

Не сразу до меня дошло, что он в восторге от моей части проекта и приглашает отужинать на радостях в одном из самых изысканных ресторанов на Стрипе.

За ужином я распустила хвост и, как оказалось, не напрасно. После первого проекта последовали другие.

Наступил день открытия театра Селин Дион. Все, даже те, кто не являлся поклонником ее пения (к их числу отношусь и я), знали, что все равно будет интересно. Режиссером ее спектакля был гениальный постановщик многих шоу "Cirque du Soleil" — Франко Драгоне. Это был первый прогон — открытие для прессы и участников процесса, то есть для нас.

Все мы — дети разных народов — стояли в очереди за контрамарками, когда по всем мониторам было объявлено о начале войны с Ираком! Оскорбление, нанесенное Америке одиннадцатого сентября, требовало выхода, и выход, казалось, был найден. Предполагалось, что победная война с мусульманским миром залечит рану.

Народ, возбужденный предстоящим концертом, возбудился еще на несколько градусов выше. В очереди стали заключать пари, сколько времени потребует американским войскам, чтобы выиграть войну. По самым пессимистическим оценкам выходило: недели три!

Толстый индеец пошутил: — Глядишь, всю войну просидим в театре! Выйдем, а война уже закончилась!*

В толпе одобрительно засмеялись. Это даже самым отъявленным оптимистам показалось чересчур. Я тоже посомневалась.

Во время концерта взволнованная Селин сочувствовала мальчикам-солдатам, желала быстрой победы всем без разбора и под конец спела пацифистскую песню. Селин удачно сохраняла имидж искренней девчонки из квебекской провинции, вероятно, решив не приобретать голливудский лоск, сделав исключение для ровного ряда зубов.

Шоу действительно было занятным. В конце спектакля появилось зеркало в золотой барочной раме размером со сцену, и в нем отразились мы — зрители.

Покидала я Лас-Вегас в сумерках. Самолет низко летел над Стрипом. Ночью пылающая огнями, реклама сейчас нечетко проступала на фоне вишнево-сиреневого неба. Танцующие фонтаны элегантного казино "Беладжио" выделяли кренделя; возле "Острова сокровищ" пиратские корабли палили из пушек, и я даже разглядела гондолу, ползущую по "венецианскому" каналу.

Всё, как всегда. Потом самолет повернул на северо-восток, и какое-то время мы летели над пустыней, пока ночь не поглотила землю.

Я вспомнила слова толстого индейца: — Глядишь, всю войну просидим в театре! И я опять засомневалась...

Торонто.

* Война в Ираке продолжалась семь лет.

